

ЮБИЛЕЙ

Добрыня Бабура

С мужем Михаилом Мишиным.

АЛЕКСАНДР ИЗОТОВ

“Я очень много обижала людей, особенно в молодости”

— Вот с кем я ни поговорю о вас, все в один голос твердят: она такая хорошая! Вам не надоело оставаться такой хорошей? Или вы прикидываетесь?

— Мне приятно, что все говорят, что я хорошая. Но вы, наверное, не к тем обращались. Я думаю, есть несколько человек, которые выскажут мне и претензии.

— А если у вашего мужа Михаила Мишина спросу?

— Он плохо не будет рассказывать, хотя мог бы очень многое вспомнить. Потому что он про меня больше всех знает. Конечно, я совсем не идеальная. Люди ведь только по доброте говорят, что я хорошая.

— Какие у вас слабости и недостатки, расскажите?

— Я не вижу в этом смысла. В “Ленкоме” я имела счастье общаться с Татьяной Ивановной Пельцер, одной из самых мудрых женщин, которых я знала. Я тогда молодая была и часто раскрывала свои недостатки. А она услышала и говорит: “Подождите ругать себя, это с удовольствием сделают другие”. Так что зачем мне всенародно каяться, для этого есть церковь и священник.

— Но вы же любите над собой посмеяться?

— Люблю, но по прошествии времени.

— Вы можете обидеть человека?

— Конечно. Я очень много обижала людей, особенно в молодости. Я была очень нетерпима. Молодые артисты, у которых более-менее складывается судьба и им дают какие-то роли, склонны преувеличивать свое значение в искусстве и в общественной жизни. У меня был период, когда я считала, что знаю практически все про все. Тогда у меня случился роман с моим мужем Михаилом Мишиным, который был старше и, естественно, умнее меня. И он написал про меня такой стих:

“Ах, этот аэровокзальчик,
Вот чемодан ее.
Она звала меня мой мальчик
И знала все про все”.

Это про меня. Но с годами жизнь все ставит на место. Ты начинаешь понимать, что не настолько умна, как тебе казалось. Я даже сейчас могу сказать, что, прожив столько лет, иногда удивляюсь и поражаюсь своей глупости и наивности.

“Я никогда не считалась красавицей”

— Ну а когда вы начинали в “Ленкоме” и, как вы говорите, были успешной молодой актрисой, скорее всего не всем ваш успех нравился?

— Меня это никогда не волновало. А период молодой успешной актрисы довольно быстро прошел. Так что не очень-то я витала в облаках. В театре Ленинского комсомола я отработала семь или восемь лет, сейчас уже не помню. Там были и слезы, и ужас, и полное неверие в себя, и первая роль, и первая радость, и первые хвалы. Но в этом театре не было абсолютно никакой звездности, потому что каждый играл только одну главную роль. Среди женщин звезд, кроме Чуриковой, не было. Ну а Чурикова была в недосгаемости, и никто не собирался с ней соревноваться. Труднее приходилось пробиваться в кино.

— А разве в театре никто против вас не дружил?

— Театр — такой организм живой и переменчивый: время от времени тебя кто-то не любит, и вспыхивает скандал. Но со мной ничего криминального не было. В театре много людей — талантливых, бездарных, честолюбивых, с жуткими характерами, со столкновениями интересов. Но это и есть театр. Он у меня не оставил ни капли ни обиды, ни отрицательных потрясений, потому что соответствовал моему образу театра. Я знала, что должны быть трудности. Да, случались какие-то обиды и слезы, но все те обиды и слезы, которые должна пережить молодая актриса.

— То есть вы не были восторженной девушкой, столкнувшейся с тяжелой действительностью?

— Я была уже на четвертом курсе ГИТИСа, когда меня пригласили порепетировать у Марка Захарова...

Я никогда не считалась красавицей. Наоборот, некрасивой. При этом, я же из рабочей семьи, понимаете? Так что все, что со мной в жизни происходило положительного, это все уже было как невероятно выигрышный билет. Хотя и ГИТИС тогда был не слишком престижный — и блатный у нас не было, и в московские театры из него не брали. Были лишь исключения, подтверждающие правила, — как Александр Абдулов. Вот МХАТ или Щукинское — это да, это считалось настоящей школой.

Я после ГИТИСа в Москве остаться даже не рассчитывала и сама начала себе искать местоустройство. Не знаю почему, но сначала мне хотелось поехать в Алма-Ату. Мама заплакала, сказала: “Дочка, это же так далеко”. Потом позвонила в Минск — в Русский драматический театр режиссеру Борису Ивановичу Луценко:

“Здравствуйте, вас беспокоит выпускница ГИТИСа Догилева Татьяна. Я хочу работать в вашем театре”. На том конце провода было долгое молчание, потом вопрос: “А как вы выглядите?”

— “Я — западная романтическая героиня”, — ответила я. И это была чистая правда. Потом меня стали “сватать” в театр к Товстоногову и в “Ленком”, и когда Луценко написал все-таки на меня заявку, было уже поздно.

“Захаров мог уничтожить. Но я ему благодарна”

— Вы ушли из “Ленкома” из-за Александры Захаровой? Вы с ней по типуaju очень даже похожи.

— Ну как сказать... Когда Александра Захарова оказалась в театре, у меня появилось ощущение, что больше никто и ничего играть не будет. И, пользуясь установкой, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, я в очередной раз стала искать себе новое место работы.

— Значит, с Марком Захаровым вы расстались в контрах и, что называется, осадок остался?

— Да нет. Какие у меня могут быть претензии к Марку Анатольевичу? Он из меня актрису сделал. Он исходил из того, что актриса должна играть сама. А не делаешь — есть другая, которая делает.

— Жестоко, но справедливо.

Ужель та самая Татьяна?

Что такое Догилева? Веселушка-хохотушка, девушка — вечный праздник и позитив без границ. При слове “Догилева” все должны улыбаться и думать о хорошем. Так уж она нас приучила. Но сегодня есть повод поговорить всерьез и надолго. Сегодня Догилевой — 50.

Мне давали читать сценарии на главные роли, но я понимала, что меня никогда на них не возьмут, и сама себя предлагала на роли других героинь, не таких красивых: “А давайте я вам вот эту сыграю”.

— Но после “Блондинки за углом” вас стали считать красавицей.

— Не знаю. Хотя в сценарии действительно было написано “девушка неземной красоты”. Это мистическая история. Режиссер Борто дал задание искать в театрах такую незатертую героиню неземной красоты. И сначала намечили действительно красивую Александру Яковлеву. Но мне рассказали, что тогда Борто вдруг позвонил его папа, больной раком, и прохрипел в трубку: “Тебе нужна Догилева”.

— В кино у вас были такие великолепные партнеры — Филатов, Миронов... Их уже, к сожалению, нет в живых. Вы кого-то из них выделяете?

— Вы поймите, они же были небожителями. Сейчас снялся в сериале, деньги получил, и тебя уже называют звездой. А тогда-то звезды были настоящие — никто про них так не говорил, но все чувствовали и понимали. Я же сама еще очень долго не могла поверить, что я артистка, и смотрела на происходящее как бы со стороны.

Мне было интересно, как они себя ведут, как разговаривают, как ко мне отнесутся. Но если говорить про Андрея Миронова и Леонида Филатова — они меня к себе, к своей жизни близко не подпускали.

— Ну а когда вы с Филатовым снимались в постельной сцене, все было чинно-благо-родно?

— Тогда, вы помните, даже борьба шла за обнаженную натуру — все понимали, что если в кадре голая тетка, то это привлечет дополнительно десятки тысяч зрителей. Это же было нечто революционное! А опыта-то нет! Когда снимаешься в такой сцене, кроме желания расхохотаться, никакой другой реакции, поверьте, и не возникает. К тому же мы ведь не вдвоем в постели лежали, над нами висел оператор и кричал: “Опусти подбородок, не смотри сюда!”. Параллельно режиссер что-то орал, а мы должны изображать любовь и страсть. (Смеется.)

— У вас получилось.

— Ну а чего же не получится! Но в начале и меня, и Филатова все-таки, конечно, клинило. Да и холодно, обнаженными-то. Мы водочки выпили — и вперед! Потом Леня меня спрашивает: “Ты своему об этом скажешь?”. Я говорю: “Конечно”. Он: “А я своей ничего не скажу”. “Лень, ты что, с ума сошел?” — удивилась я. — Она все равно увидит”. Он профессионал, я профессионал, и какая разница — постель или не постель? Надо сыграть, и все.

“Ни с одним режиссером я не спала”

— Татьяна, вы как-то сказали, что физическую измену за измену не считаете.

— Но ведь жизнь настолько странная, разнообразная. А человек склонен к глупостям, к слабостям и к увлечениям.

— Простите, вы исходите из своего опыта?

— Когда я, молодая актриса, попала в театр, всякого навидалась. Но сама-то я, как уже говорила, из рабочей семьи, поэтому получила правильное воспитание. И ни с одним режиссером не спала, честно вам скажу. Но иногда думала: почему же ко мне-то никто ни разу не пристает? (Улыбается.)

— Обидно?

— Меня это даже настораживало. Но, если серьезно, у актеров измен не больше, чем в других профессиях. Просто мы все эмоциональные, шумные, безалаберные и... романтические. У хороших актеров с этим даже переизбыток. Поэтому и склонны к разным приключениям. Как-то я спросила очень известного артиста и такого же известного доджана: “А вы любите свою жену?” — “Обожаю”, — отвечает. — Но если у меня нет какой-то тайны, жить неинтересно”. И я поняла, что он имеет на это право. Сама я, конечно, другая. Но не хочу сказать, что совсем ничего не было. Случались бурные романсы — счастливые и несчастливые. Каждая женщина должна переживать романы.

— Это при живом-то муже?

— Нет, при живом ничего. Тогда я уже вступила в другую студию... Но для меня партнерство в театре и в кино всегда важнее, чем отношения мужчины и женщины. Я почти чувственно влюблялась в своих партнеров. Мне очень нравилась эта недоговоренность, незавершенность, казалась, гораздо интереснее, чем секс.

“Порознь нам комфортнее”

— А сейчас вы довольны своей личной жизнью?

— Мы с моим мужем Михаилом Мишиным живем порознь, в разных квартирах. Я считаю, это идеально подходит для нашей семьи. Так что своей личной жизнью я довольна. Правда, мой муж не любит, когда я сильно расстраиваюсь на эту тему. Мы очень долго вместе и очень изменились за это время. И характеры изменились, и энергия, и режим работы. Поэтому я предпочитаю раздельное существование. Но у нас общая дочь — она спокойно приходит сюда и в трудную минуту всегда поможет, поддержит. Он папа, муж и верный друг. Но порознь нам существовать комфортнее.

— А на остров вы зачем поехали в программу “Последний герой”?

— Вот тогда как раз у меня все было плохо — все не складывалось. Не в смысле работы — хотя в кино не снималась, но в спектаклях играла. Просто очень много проблем навалилось одновременно. И поэтому, когда меня пригласили принять участие в программе “Последний герой”, я аж закричала: “Да!” А потом положила трубку и заплакала. Ведь мне именно и нужно было — от всех проблем уехать на необитаемый остров. Как оказалось, многие убежали туда по схожим причинам. Правда, поначалу я там чувствовала себя просто ужасно, на третий день у меня белело все. Но вдруг все прошло — вообще.

— И как ваше сегодняшнее состояние?

— Сегодняшнее мое состояние хорошее, но влух я не хотела бы этого произносить. А то вдруг оно станет плохим. Но я поняла одно — сколько подарков дала мне жизнь. Сколько подарков!

— Ну а на коньки вы зачем встали?

— Так и это тоже подарок. Я же совсем на них кататься не умела. Когда снимали “Покровские ворота”, в кадре я совсем чуть-чуть, потому что была полный ноль по конькам. В “Танцах на льду” мне дали коньки, лед и олимпийских чемпионов. Представляете, кругом одни олимпийские чемпионы. Это же мечта детства. Меня это тронуло до слез. Как в сказке!

Александр МЕЛЬМАН.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

Татьяна ДОГИЛЕВА:

— А Караченцов?

— Николай Петрович очень демократичен. Мы же играли с ним вместе в “Жестоких играх”. И когда мне доставалось от Марка Анатольевича, а он мог быть очень жестоким человеком...

— Как, наверно, любой режиссер.

— Безусловно. Это профессия такая. Мы же молодые актрисы были, как нераскрывшиеся бутоны, и к трудностям были готовы только гипотетически. А Марк Анатольевич мог просто уничтожить. Он же еще и умный.

— Может, это такая у него воспитательная мера?

— Не знаю, что вам и ответить... Он же бился над спектаклем, мучился. Ну и, конечно, кричал на всех. Вернее, даже не кричал, а это была такая отрицательная, такая концентрированная ненависть... И вот Караченцов в таких случаях мне помогал — шептал на ушко, что нужно внутри себя в такой момент самой себе говорить.

— То есть “Ленком” — своеобразное чистилище?

— Не знаю, как в других театрах, но нам доставалось. Причем всем: и Абдулову, и Збруеву... Ты всю ночь рыдаешь, думаешь, как жить. А на другой день он тебя встречает после спектакля: “Гениально, гениально!”. И все, счастье твоему нет предела. Все плохое сразу перечеркивается и забывается. Это как роды. Но, несмотря на всю монструозность Захарова, все женщины театра были влюблены в него.

“В цирке меня забраковали за внешность”

— Вы до сих пор считаете себя некрасивой? Позвольте в это не верить.

— Я с детства себя считала некрасивой. В цирковом училище меня не приняли с формулировкой: нескладно. И я поняла, что если в цирке меня забраковали за внешность, то уж про кино с театром и речи быть не может. Поплакала, но поняла, что мне надо брать чем-то другим: волей, упорством и, может, каким-то талантом... Помню, Эльдар Рязанов на пробах к фильму “О бедном гусаре замолвите слово” “обнадежил” меня: “Вот именно такая мне и нужна. Но покрасивее”. И не взял. Конечно, я воспринимала это болезненно.

— Это во-первых. А во-вторых, он сразу покончил с моими глупостями, что я романтическая героиня. Он сказал: “Вы артистка характерная”. Нет, — обиделась я. — Я — романтическая героиня”. “Перестаньте, барышня”, — обрубил он. И как я могла возражать? Что я еще могу испытывать к Марку Анатольевичу, кроме благодарности?.. Я же проработала там семь лет, и все жили по этим правилам. Каждая артистка имела по главной роли, и все. Только когда пришла Александра Марковна, у которой своя легенда появления в театре, абсолютно не совпадающая с моими воспоминаниями, — я поняла, что дело пахнет керосином.

— Звезды “Ленкома” как к вам относились?

— Прекрасно. Очень хорошо приняли Янковский, Збруев. Очень добр ко мне был Михаил Шатров, в пьесе которого я репетировала. Каким-то хорошие слова Горин говорил. С Евгением Павловичем Леоновым было сложнее, потому что, когда меня ввели на роль Саши в спектакле “Иванов”, я его там сильно раздражала.

— Но это в театре. А в жизни?

— В жизни у нас у всех были прекрасные отношения. Коллектив такой веселый, легкий, хулиганствующий. Ну если мы все праздники вместе справляли, какие же могут быть плохие отношения? Но с Евгением Павловичем мы все равно мало общались, я не была его любимицей.

— А он был в театре такой король?

— Ну конечно, он занимал отдельное положение.